
С. В. Кондратьев

Система правления предреволюционной Англии в западной историографии конца 1980-х – 1990-х гг.*

В предлагаемом кратком очерке невозможно, конечно, осветить все стороны и элементы управления тюдоровской и раннестюартовской Англии. Для этого нужно писать книгу, которой, вполне вероятно, также может не хватить, поскольку совершенно очевидно, что материал по теме весьма значителен и разнообразен, число работ, описывающих функции отдельных учреждений, растёт, но остаются еще лакуны, для которых пока не нашлось исследователя. Поэтому цель данной работы весьма скромна: попытаться очертить тенденции, обозначившиеся в этой сфере изучения в последние годы.

Сделаем еще одну оговорку. Если бы подобный сюжет пришлось освещать лет пятнадцать назад, то следовало бы начать с характеристики власти короля, затем, наверное, коснуться парламента и во-просов тех дискуссий, которые после нашумевшей статьи и книги Конрада Рассела велись в англо-американской историографии¹, а затем уже перейти к Тайному совету, Звездной палате и прочим прерогативным органам, Канцелярии, судам общего права и т. д. Обязательно где-нибудь в тексте нужно было бы заметить, что все учреждения могут быть названы судами, поскольку в источниках по отношению к ним используется термин *court*, а администрирование еще не вполне отделилось от судопроизводства. Автор данной статьи, с целью освежить память, снял у себя дома с полки две книги, написанные Роджером Локьером: «Англия при Тюдорах и Стюартах» (1965) и «Раннестюартовская Англия» (1989). В первой своей книге Р. Локьер начинал повествование с Тайного совета, а во второй – с королевского двора². Если сравнить с работой Пенри Уильямса «Позднетюдоровская Англия» (1998), можно отметить, что и этот автор раздел об управлении страной («The Structure of Government») начинает с характеристики королевского двора³.

Это не случайно и симптоматично. Во главе страны стоял монарх, в руках которого находились все нити госуправления. Монарх счи-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда, проект 02–03–18346а.

тался источником, или даже фонтаном, власти и правосудия, но в то же время действовал и принцип делегирования власти от монарха к подчиненным, принцип рассредоточения власти, ибо учреждения имели свою компетенцию, принцип совета, то есть принцип принятия решений после соответствующих консультаций. Они достойны упоминания хотя бы потому, чтобы вспомнить старый и уже подзабытый термин «абсолютизм», когда-то широко используемый в отечественной литературе по отношению к тюдоровской и раннестюартовской Англии. Действительно, королевская власть в XVI – начале XVII в. окрепла, ее контроль над жизнью общества усилился, но говорить о беспределности и произвольности власти короля не приходится, тем более отождествлять ее с самодержавием, как это делалось ранее.

Вернемся ко двору. Собственно, историография двора не имеет пока длинной истории. Ей едва ли двадцать лет. Вспомним, как после Второй мировой войны в науке господствовала концепция Д. Элтона о «тюдоровской революции в управлении». Напомним ее суть.

Впервые эта концепция нашла отражение в его знаменитой книге «Тюдоровская революция в управлении. Административные перемены в эпоху Генриха VIII»⁴. В этой и последующих работах Д. Элтон высказывал мысль о том, что изменения, происходившие в годы Реформации, коснулись не только церкви, но и всей системы управления. При первых Тюдорах в Англии происходило становление новой, принципиально отличающейся от прежней государственности. Главная заслуга в осуществлении преобразований принадлежит Томасу Кромвелю, который покончил с системой управления через слуг королевского дома (*Household*), заменив ее системой общегосударственных органов, проведя водораздел между государственным и дворцовым управлением. Занимая должность канцлера и секретаря, обладая личным доверием Генриха VIII, Т. Кромвель приступил к реформированию королевства, стремясь из страны, где издавна царил партикуляризм, создать унифицированное государство, управляемое монархом посредством учреждений, должности в которых занимали профессиональные бюрократы. Изменения затронули финансовую сферу, что упорядочило поступление доходов. Доходами и расходами королевства стали ведавать шесть, старых и вновь созданных, финансовых органов. Королевский совет, который собирался время от времени и состоял из представителей родовитой знати, потерял былое значение. Генрих

VIII приобрел привычку проводить регулярные совещания в более узком кругу приближенных и должностных лиц. Эта практика была закреплена в 1540 г. изданием ордонанса, провозгласившего создание Тайного совета. Наконец, изменения коснулись статуса королевского секретаря. Ранее секретарь монарха был его личным слугой, просматривающим корреспонденцию, хранившим королевскую печатьку и нередко выполняющим щекотливые дипломатические поручения. После того как эту должность занял Томас Кромвель, секретарь становится государственной фигурой, которая осуществляет контроль за расходами казны, должностными лицами центральных и местных администраций, контролирует движение официальных бумаг, в том числе дипломатических.

Таким образом, Д. Элтон приходит к выводу, что система управления королевством была кардинально изменена в относительно короткий промежуток времени, что позволило поздним Тюдорам и ранним Стюартам осуществлять более (первым) или менее (вторым) успешный контроль за страной. Причем все наиболее важные решения вырабатывались в немногочисленном Тайном совете и проводились через него. Тайный совет, полагает Д. Элтон, стал центральным органом государственного управления, осуществляющим контроль и руководство всей «бюрократией» королевства. Члены Совета, всегда подчеркивает он, возглавляли конкретные административные ведомства и занимались определенной управленческой деятельностью. Парламент, который время от времени собирался по повелению монарха, являлся важным информационным каналом и местом, позволяющим вступать в диалог с влиятельными провинциальными элитами и находить с ними консенсус⁵.

Тайный совет и парламент являлись важными политическими центрами, но главным местом, где делалась политика, являлся, по мнению Д. Элтона, королевский двор (Court). Под «политикой» историк понимал соперничество между различными фракциями и группировками за близость к королю и влияние на него или – во времена правления женщин – на королеву. Д. Элтон подчеркивает, что в реальности двор появляется только тогда, когда королевская власть становится по-настоящему сильной, то есть именно в тюдоровскую эпоху, после того как корона «разрушила все альтернативные центры политической верности или... все альтернативные источники успеха». Двор имел свою структуру и своих управленцев. Придворные группировки и их

лидеры стремились контролировать как можно больше должностей при дворе, иметь на них своих людей⁶. Такую характеристику двору Д. Элтон давал в 70-е гг., отмечая его слабую изученность, особенно на уровне конкретных людей, их взаимных интересов и связей.

Спустя десять лет заявило о себе поколение историков, которое решило не только заполнить те лакуны, на которые указал в свое время Д. Элтон, но и скорректировать его концепцию. Признанным лидером этого поколения исследователей королевского двора Англии в раннее Новое время стал Д. Старки, который когда-то учился у Д. Элтона и писал под его руководством диссертацию о «личном кабинете» (*Privy Chamber*) первых Тюдоров.

Д. Старки не разделяет мнения своего учителя о кратковременности административных преобразований и их датировании 30-ми – началом 40-х гг. XVI в., а также о том, что Д. Элтон называл «революцией». По мнению Д. Старки, речь следует вести об «эволюции» управления, которая началась после Войны Роз и продолжалась вплоть до начала гражданской войны XVII в. Вывод Д. Элтона о появлении в Англии благодаря деятельности Т. Кромвеля общенационального и бюрократического управления представляется Д. Старки «неправдоподобным». Он совершенно справедливо отмечает, что в XVI в. в Англии так и не сложились провинциальная бюрократия и единая система местного управления, а также не сформировался унифицированный механизм делегирования властных полномочий. По мнению Д. Старки, необходимость преобразований ощущалась еще в середине XV в., и тогда же они в действительности начались. По словам Д. Старки, уже известный английский юрист Джон Фортескью излагал в своих трактатах «программу» безотлагательных реформ. Следуя велению времени, уже Йорки старались укрепить королевский режим и начали использовать лексику «общего блага» (*Common Wealth*), которая окончательно войдет в оборот при Тюдорах⁷.

Д. Старки не согласен с выводом Д. Элтона о том, что Тайный совет являлся лишь центром управления, а королевский двор – только центром политики. Такая последовательная дифференциация политики и управления, «придворных» и «советников» кажется ему несколько искусственной.

По его мнению, укрепление королевской власти и превращение ее в главный источник жизненных благ, произошедшие при первых Тюдорах, определили мотивацию и поведение всех без исключения

людей, занятых как в королевских, так и дворцовых учреждениях. При неразработанности процедур принятия решений борьба за влияние на монарха захватывала и двор, и различные учреждения, и, в случае созыва, парламент. Фракции, борющиеся за влияние, имели везде своих представителей. Все это, по словам Д. Старки, позволяет рассматривать и структуры двора, и структуры государства одновременно как административные органы и как места осуществления политики.

Д. Старки считает, что в свете современных исследований можно говорить о наличии в тюдоровской и раннестюартовской Англии трех центров управления и политики: внутренние, близко стоящие к королю структуры двора, Тайный совет и многочисленные центральные административные органы, полученные Тюдорами в наследство от Ланкастеров и Йорков или созданные самими. Последние, по его мнению, были важны с точки зрения управления страной, но уступали двору и Тайному совету по степени непосредственного влияния на выработку королевской политики. Д. Старки согласен с тем, что Тайный совет в этой триаде был главным звеном управления. Но эта констатация, подчеркивает он, не избавляет от необходимости изучать сложные взаимные связи между королевским двором, Тайным советом и другими органами власти. Уже хотя бы потому, что Тайный совет, находясь на вершине сложного административного здания Тюдоров и первых Стюартов, участвовал в выработке многих, но далеко не всех важных решений. Некоторые из них монархи принимали единолично либо после консультаций со своими фаворитами.

Тайный совет, таким образом, венчал сформировавшийся административный порядок, в котором сохранялась изрядная доля беспорядка. Иначе и быть не могло, ибо в силу свойственной средневековому сознанию верности традиционализму английские монархи и их советники не могли просто упразднить старые институты и перестроить административное здание. Они надстраивали над старыми учреждениями новые, отодвигающие старые на периферию власти. Следствием стали постоянные конфликты между различными частями аппарата управления и судопроизводства. К тому же никакого плана административных преобразований не было. Тюдоры и первые Стюарты вели, по сути, эмпирический поиск наиболее эффективных форм управления королевством.

Вернемся к Тайному совету. В последние годы правления Елизаветы Тюдор в него входило тринадцать человек. Яков I увеличил чис-

ленность этого органа в два раза. При Карле I число членов Совета выросло до сорока двух. Но если при Елизавете большинство советников было действительно работающими администраторами, то при первых Стюартах Тайный совет никогда не собирался в полном составе. В правление Якова I на заседаниях, как правило, присутствовало от восьми до двенадцати человек. В годы правления Карла I обсуждать государственные дела являлось по двенадцать-тринадцать человек. Бывали случаи, когда присутствующих оказывалось еще меньше. Обычно на заседания являлись архиепископ Кентерберийский, лорд-казначей, лорд-канцлер, лорд – хранитель печати Тайного совета, оба государственных секретаря. Ясно, что при Тюдорах значение Тайного совета было велико, но при первых Стюартах оно начало падать, о чем можно судить по тому, что сами монархи стали редко посещать его заседания. Известно, что в 30-е гг. XVII в. прошло около ста заседаний Тайного совета, а король присутствовал лишь на девяти⁸. Совет не мог работать эффективно еще и потому, что, кроме важных государственных дел, ему приходилось разбирать сотни и тысячи петиций, присылаемых сюда со всей страны. Штат из десяти клерков, которыми располагал Совет, просто физически не мог справиться со всевозрастающим объемом работы. Нельзя забывать и того, что ведомство лорда – хранителя печати Тайного совета (*the Keeper of the Privy Seal*) готовило и рассылало большой объем государственных бумаг. Для того чтобы разгрузить Тайный совет, стали создавать вспомогательные органы, получившие название комитетов Совета. Впервые они создаются при Якове I по какому-то определенному поводу, чтобы затем распуститься. Но при Карле I их из экстраординарных превращают в ординарные⁹.

Обязанность по подготовке заседаний Тайного совета возлагалась на двух государственных секретарей¹⁰, которые в течение XVI в. превратились в значимых государственных деятелей. Госсекретари контролировали значительные потоки информации, идущие к королю, и участвовали в подготовке его корреспонденции. В частности, им подчинялась служба хранителя личной печати короля (*Signet Office*)¹¹.

Еще один поток государственных бумаг, которые скреплялись большой королевской печатью, шел через королевскую канцелярию (*the Court of Chancery*). Из канцелярии, в частности, выходили знаменитые приказы, дающие начало выборам в парламент (*writs of election, summons, assistance*)¹². Канцелярия проверяла правильность проведе-

ния выборов в графствах. Канцлер председательствовал во время заседаний палаты лордов. Канцелярия, кроме того, обладала значительным объемом судебных полномочий, дающих ей право вести уголовные дела и имущественные тяжбы на так называемом «праве справедливости»¹³.

Очень сложной в течение XVI в. оставалась структура финансовых ведомств¹⁴. Она к тому же менялась. Тюдорам от прошлого досталось состоящее из двух учреждений государственное казначейство (*Exchequer*). Одно из них (*Upper Exchequer*) занималось тем, что можно назвать современным словом «аудит», то есть проверяло правильность расходования выделенных средств. Второе (*Lower Exchequer*) аккумулировало доходы королевства и производило расчеты с кредиторами.

Генрих VII Тюдор, не доверяющий традиционным институтам, для более эффективного контроля за финансами стал активно использовать структуры королевского двора. Прежде всего – ведомство казначея двора (*Treasurer of Chamber*) и ведомство королевского ювелира (*Keeper of the Jewel House*). А для контроля за доходами короны начали привлекать ведомство генерального межевания и строительных работ (*Office of General Surveyors*). Поскольку значительные доходы должны были поступать от королевской опеки за землями несовершеннолетних наследников, король учредил суд по делам опеки (*Court of Wards*), что сразу привело к увеличению поступлений в казну. В 1540 г. парламент подкрепил деятельность суда по делам опеки соответствующим статутом. После реформации и секуляризации церковных земель и имуществ учреждается три органа: *Court of First Fruits*, *Court of Tenths*, *Court of Augmentations*. Первые два ведомства собирали десятины и платежи, которые раньше направлялись в Рим, а третье собирало доходы от бывших монастырей и их владений. В середине XVI в. возрастает финансовая роль еще двух органов королевского двора – личного казначейства короля (*Privy Purse*), которое ведало персональными расходами монарха, и личной кассы короля (*Privy Coffers*), из которой финансировались разные деликатные, в том числе секретные миссии и войны.

Понятно, что управлять столь сложной структурой с параллельными функциями было чрезвычайно трудно. Поэтому в годы правления Эдуарда VI и Марии Тюдор финансовые обязанности ведомства генерального межевания и строительных работ, *Court of First Fruits*,

*Court of Tenth*s, *Court of Augmentations* были переданы в государственное казначейство (*Exchequer*). Однако полной унификации не произошло. О ней даже не помышляли.

Нетрудно заметить, что дифференциация между государственными и дворцовыми финансами только намечалась, но вплоть до революции не была завершена. Например, за счет государственной, а не дворцовой казны пополнялся королевский гардероб. При Елизавете Тюдор возросло значение лорда-казначея двора (*Lord Treasurer*), к которому перешли значительные функции, ранее принадлежащие государственному казначейству.

Еще более сложно устроенным оказалось английское судопроизводство. Сложность эта заключается не только в том, что судов было много и компетенции некоторых из них пересекались, но и в том, как мы уже писали, что почти каждый административный орган сохранял отдельные судебные функции. В самом общем виде в структуре английского судопроизводства этого периода можно выделить четыре группы судов¹⁵.

1. Суды общего права: Королевская скамья (*Court of the King's Bench*), Суд общих тяжб (*Court of the Common Pleas*) и Суд Казначейства (*Exchequer Pleas*). Все они располагались в столице, причем первые два – в Вестминстере. Самым доходным из них был Суд общих тяжб, поскольку разбирал имущественные тяжбы, включая земельные, дела кредиторов и несостоятельных должников. Самым авторитетным был Суд королевской скамьи, к компетенции которого относились уголовные преступления. Он также принимал апелляции и мог отменить приговор, вынесенный другим судом общего права. Суд казначейства слушал дела, касающиеся доходов и земель монарха. Судопроизводство в судах общего права, как самых старых, было чрезвычайно формализованным и ригидным. Велось оно, кроме того, на французском языке¹⁶.

2. «Суды справедливости», которые возникли позднее и разбирательство в которых поэтому не отличалось чрезмерным формализмом. Главным среди них был Суд канцлера (*Chancery*), который, собственно, и создал «право справедливости». Канцелярия обрела полномочия разбирать дела еще в XIV в., став привлекательной благодаря более гибкой, чем в судах общего права, процедуре, которая велась и фиксировалась по-английски. Любопытно, что к началу XVII в. в Англии существовали суды, внутри которых появились структуры,

разбирающие дела и на общем праве, и «на праве справедливости». Таким судом, например, стал Суд Казначейства, где возник департамент (*Exchequer chamber*), выносящий решение «по справедливости».

3. Существовали суды, где судопроизводство осуществлялось с использованием норм римского права. Это церковные суды, рыцарский суд, Суд адмиралтейства.

4. При Йорках и первых Тюдорах появились так называемые прерогативные суды, которые возникли на месте бывшего Королевского совета. Самым известным из них была Звездная палата, в состав которой входили члены Тайного совета и помогавшие им судьи судов общего права и Канцелярии. Звездная палата разбирала случаи бунтов, незаконных собраний, издания клеветнических памфлетов и очень скоро приобрела репутацию деспотического инструмента королевской власти. Среди других прерогативных судов следует упомянуть Высокую комиссию, появившуюся при Елизавете Тюдор для ревизии церкви и борьбы с пуританским и католическим движениями, а также Палату прошений (*Court of Requests*), которая разбирала петиции и жалобы простолюдинов и которую король всегда брал с собой, отправляясь в поездки по стране. Для контроля за самыми беспокойными территориями королевства и организации судопроизводства там были созданы Советы Севера и Уэльса¹⁷.

На уровне местного управления наблюдалось полное соединение административных и судебных функций. Англия, как известно, поделена на графства. Самой старой должностью, носителем которой должен был осуществлять контроль за графством, была должность шерифа. К XVI в. шерифы утратили былое влияние. В их обязанности вменялось следующее: организация выборов в парламент, деятельность сотенных судов, сбор некоторых платежей в казну, а также военных налогов, когда страна с кем-то воевала.

Кроме института шерифов, Тюдоры и первые Стюарты со времен Средних веков унаследовали и в основном сохранили структуру управления в графствах, сделав к ней некоторые добавления¹⁸.

Первую роль в структурах местного управления и судопроизводства играли назначаемые короной мировые судьи¹⁹. Четыре раза в год в ходе так называемых четвертных сессий, как правило, в городских центрах они творили суд по мелким и тяжким уголовным преступлениям, включая случаи убийств. Растущее число дел привело к появлению «промежуточных сессий» (*petty session*), где разбирательством

занимались клерки, подчиненные мировому судье: случаи насилия и смерти разбирал *coroner*, недоимками в казну и имуществом, находящимся под опекой, ведал *escheator*.

В сельской местности продолжали существовать манориальные суды: *courts baron* – для имущественных тяжб и *courts leet* – для уголовных. Судьями в этих судах были обычные держатели, а председательствовали стюарды маноров. В провинциях большое значение по-прежнему принадлежало церковным судам – епископальным, архидиаконским и консисториальным, которые разбирали проступки духовенства, преступления против религии, дела о десятинах, семейные тяжбы, споры о наследовании, случаи сексуального насилия и устного поношения.

На уровне сотен и приходов сохранялась выборность должностных лиц. В сотнях ими были главные констебли (*high constable*), а в приходах – просто констебли²⁰, которые одновременно представляли сельские сообщества и считались слугами короны и слугами мировых судей и шерифов графств. Они отвечали за арест подозрительных лиц и бродяг, надзирали за питейными заведениями, организовывали своевременный ремонт дорог, собирали налоги, набирали людей для службы за границей²¹, созывали ополчение, следили за состоянием оружия ополченцев.

В XVI в. для реализации своих отдельных начинаний в провинциях королевская власть часто создавала экстраординарные органы – комиссии, некоторые из них, как уже упомянутая Высокая комиссия, затем превратились в постоянные.

При Эдуарде VI «для сбора людей и борьбы с врагами короля» вводится экстраординарная должность наместника (*Lord Lieutenant*) в отдельные графства. В годы правления Елизаветы лорды-лейтенанты превращаются в привычную часть административного дизайна графств. Они преимущественно отвечали за боеспособность ополчений и набор людей при вступлении страны в войну.

Кроме графств, страна делилась еще на шесть судебных округов (*assize*)²², каждый из которых дважды в год посещался двумя профессиональными судьями, приезжающими из Лондона, которые в присутствии местных жителей (присяжных) разбирали уголовные и имущественные тяжбы. Ассизные суды были введены еще Генрихом II Плантагенетом. Они позволяли осуществлять контроль за страной и собирать информацию.

В городах сохранялось самоуправление. Административная власть в больших городах принадлежала мэру, а в малых – двум бейлифам, которые осуществляли ее в корпорации с двумя советами: небольшим по численности – советом олдерменов и широким – советом советников. Не горожане, а сами члены советов инкорпорировали в свои сообщества новых людей в случае появления вакансий.

Нетрудно заметить, что соучастие подданных в осуществлении местного управления было значительным, что, видимо, реально сокращало эффективность тех мероприятий по контролю за страной, которые предпринимала корона.

Остается кратко коснуться роли и значения парламента. Вопрос о том, чем был парламент в предреволюционной Англии, до сегодняшнего дня остается остро дискуссионным. Все реже воспроизводится точка зрения У. Нотстейна, А. Полларда и Д. Нила, господствующая в англо-американской историографии вплоть до 70-х гг. XX в., о постоянно растущем значении палаты общин в общественной жизни тудоровской и раннестюартовской Англии, о том, что нижняя палата в раннестюартовскую эпоху оформилась как единая оппозиционная сила, противостоящая абсолютистским устремлениям короны и «пламенно» отстаивающая конституционные принципы²³.

«Ревизионисты», которые в отличие от своих предшественников, вигов, более скрупулезно взялись изучать парламентскую практику, предвыборную процедуру, деятельность парламентских комитетов, механизм принятия решений, механизм контроля за деятельностью коммонеров со стороны членов верхней палаты и королевской администрации и, наконец, жизнь и карьеру отдельных парламентских деятелей, пришли к выводу, что парламент отнюдь не являлся решающим фактором политики, ибо собирался нерегулярно, был зависим от короля, распоряжением которого парламент созывался и распускался. Поэтому действовал парламент не столь длительные промежутки времени, чтобы в нижней палате сформировалась «партия», преследующая особые политические цели. Политика делалась при королевском дворе, где за близость к королю и за возможность влиять на него боролись различные группировки элиты. Критика королевской власти, раздававшаяся в парламенте, была простым отражением придворного соперничества. Нередко эта критика опиралась на молчаливую поддержку дворофобов и столицефобов из провинций. Поэтому, полагают ревизионисты, нет никаких оснований гово-

речь о существовании в парламентах первых Стюартов оппозиции, как нет оснований заявлять и о существовании фундаментальных разногласий между парламентариями и короной, ибо сохранилось слишком много документальных свидетельств того, что принципиальность и оппозиционность парламентариев измерялась периодами их пребывания вне власти. Боевой задор парламентских критиков немедленно улетучивался после получения ими должностей. Кроме того, многие парламентарии из провинций были в большей степени поглощены местными интересами своих графств, городов и местечек, чем проблемами общегосударственными. Созывы Тюдорами и Стюартами парламентских сессий, считают ревизионисты, означали лишь то, что королевская власть даже после усиления своего влияния и контроля не могла обходиться без соучастия представителей элитных групп (столичных и провинциальных) в управлении страной. Парламент оставался одним из главных источников пополнения государственной казны, каналом, через который можно было ознакомиться с настроениями общества, коли без соучастия подданных в управлении обойтись было нельзя, и, следовательно, местом выработки компромиссов и достижения согласия. Именно отказ Карла I от практики созыва парламентов стал одной из причин гражданской войны²⁴.

Подведем итоги. Для Англии XVI – начала XVII в. характерно наличие большого числа учреждений с недостаточно четко определенной компетенцией, владеющих параллельными и пересекающимися полномочиями, что выливалось в конфликты между различными частями аппарата. К началу революции сохранили свою роль практически все старые органы, которые, как, например суды общего права, традиционно обладали определенной степенью независимости от короны. Их потеснили, но не оттеснили новые, прерогативные учреждения, последовательно проводившие политику монархии в жизнь. Контроль центральных органов управления за провинцией в течение полутора столетий, безусловно, возрос, но отнюдь не стал всеобъемлющим. Королевская власть не смогла бы добиться полного контроля, даже если бы поставила перед собой такую цель. Ее финансовые ресурсы были слишком малы. Этим объясняется высокий уровень соучастия подданных в управлении. Очевидно, что в стране сохранялись порядок и спокойствие отнюдь не благодаря разветвленной и отлаженной системе управления, которая только начинала возникать. Тогда благодаря чему? Думается, что ответ на этот вопрос следует

искать в поведенческих стереотипах и практике англичан, в повседневных предпочтениях и человеческих взаимоотношениях, малопонятных нам культурных кодах и ценностных ориентациях и, наконец, в представлениях о вольностях и обязанностях подданного, о роли и миссии монарха. Но это уже другой сюжет.

¹ См.: *Russel C.* Parliament History in Perspective 1604–1629 // *History*. 1976. Vol. 61; *Idem.* Parliaments and English Politics, 1621–1629. Oxford, 1979.

² См.: *Locker R.* Tudors and Stuart Britain: 1471–1714. N. Y., 1965. Chap. 5; *Idem.* The Early Stuarts: A Political History of England, 1603–1642. L., 1989. Chap. 11.

³ *Williams P.* The Later Tudors England, 1547–1603. Oxford, 1998. Chap. 5.

⁴ См.: *Elton G.* The Tudor Revolution in Government: Administrative Change in the Reign of Henry VIII. Cambridge, 1953; *Idem.* Policy and Police: The Enforcement of the Reformation in the Age of Thomas Cromwell. Cambridge, 1972; *Idem.* Reform and Renewal: Thomas Cromwell and the Common Weal. Cambridge, 1973; *Idem.* Reform and Reformation: England 1509–1558. L., 1977; *Idem.* Thomas Cromwell. Bangor, 1991.

⁵ См.: *Elton G.* Tudor Politics: The Points of Contact. I. Parliament // *Transactions of the Royal Historical Society*. Ser. 5. 1974. Vol. 24. P. 183–200; *Idem.* Tudor Politics: The Points of Contact. II. The Council // *Ibid.* 1975. Vol. 25. P. 195–211.

⁶ См.: *Elton G.* Tudor Politics: The Points of Contact. III. The Court // *Ibid.* 1976. Vol. 26.

⁷ См.: *Starkey D.* Which Age of Reform // *Revolution Reassessed: Revisions in the History of Tudor Government and Administration* / Ed. by C. Coleman and D. Starkey. Oxford, 1986; *Idem.* Intimacy and Innovation: The Rise of the Privy Chamber, 1485–1547 // *The English Court from the Wars of the Roses to the Civil War* / Ed. by D. Starkey. L., 1987; *Idem.* Introduction: Court History in Perspective // *Ibid.* P. 1–24.

⁸ См.: *Lockyer R.* The Early Stuarts. P. 257–258.

⁹ См.: *Sharpe K.* The Personal Rule of Charles I. N. Haven, 1992. P. 269.

¹⁰ См.: *Ibid.* P. 268.

¹¹ См.: *Starkey D.* Intimacy and Innovation... P. 98.

¹² См.: *Loach J.* Parliament under the Tudors. Oxford, 1991. P. 20–21.

¹³ См.: *Jones W. J.* Elizabethan Court of Chancery. Oxford, 1967; *Кондратьев С. В.* Э. Кок о королевской канцелярии // *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков*. Л., 1987. С. 109–119; *Он же.* Основные черты административно-судебной системы Англии XVI – начала XVII в.: Носители власти и структура институтов // *Европа на этапе от классического Средневековья к Новому времени*. Тюмень, 1991. С. 54–70.

¹⁴ Информация о финансовых ведомствах почерпнута из: *Williams P.* The

Tudor Regime. Oxford, 1979; *Idem*. The Later Tudors England, 1547–1603. Oxford, 1998.

¹⁵ О системе судопроизводства см.: *Кондратьев С. В.* Юристы в предреволюционной Англии. Шадринск, 1993. Гл. 1; *Он же.* Юристы общего права в елизаветинской и раннестюартовской Англии // Англия XVII в.: Социально-профессиональные группы и общество. СПб., 1997. Гл. 2.

¹⁶ О культурном и политическом значении общего права см.: *Кондратьев С. В.* Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996.

¹⁷ О Совете Севера см. статью Л. М. Волосниковой, публикуемую в этом же сборнике.

¹⁸ О структурах местного управления см.: *Smith A. G.* The Emergence of a Nation State: The Commonwealth of England, 1529–1660. L., 1984; *Fletcher A.* Reform in Provinces: The Government of Stuart England. L., 1986.

¹⁹ См.: *Gleason J. H.* The Justices of the Peace in England, 1558–1640. Oxford, 1973.

²⁰ См.: *Kent J. R.* The English Village Constable, 1580–1642. Oxford, 1986.

²¹ Одна из щекотливых миссий, ибо корона не имела права заставлять англичан служить за границей.

²² См.: *Cockburn J. S.* A History of English Assizes, 1558–1714. Cambridge, 1972.

²³ См. об этом: *Notestein W.* The Winning of the Initiative by the House of Commons // *Proceedings of the British Academy*. 1924. Vol. 2. P. 125–176; *Idem*. The House of Commons, 1604–1610. N. Haven, 1971; *Pollard A.* The Evolution of Parliament. L., 1926; *Neal J. E.* The Elizabethan House of Commons. L., 1949; *Idem*. Elizabeth and Her Parliaments. Vol. 1–2. L., 1953–1957.

²⁴ О взглядах «ревизионистов» на предреволюционный парламент см., например: *Согрин В. В., Зверева Г. И.* Современная историография Великобритании. М., 1991. С. 132–140; *Кондратьев С. В.* Английский парламент конца XVI – первой трети XVII в. в освещении современной англо-американской историографии. Ярославль, 1990. С. 119–120. Признанным лидером «ревизионистского» направления считается К. Рассел, который больше, чем кто-либо другой, изучал предреволюционный парламент – см.: *Russel C.* Parliaments and English Politics, 1621–1629. Oxford, 1979; *Idem*. The Causes of the English Civil War. Oxford, 1990; *Idem*. Unrevolutionary England, 1603–1642. Hambledon, 1990. О точке зрения «ревизионистов» на механизм избрания в парламент и на поведение электората см.: *Kishlansky M. A.* Parliamentary Selection and Political Choice in Early Modern England. Cambridge, 1986. О критиках ревизионистов см.: *Кондратьев С. В.* Предреволюционная Англия в постревизионистской историографии // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2000. С. 62–70.